

References

1. Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1999.
2. Boldyrev N.N. Otrazhenie prostranstva deiatelia i prostranstva nabludatelja v vyskazyvanii [Reflection of worker space and the space of the observer in the statement]. *Iazyki prostranstv* [Languages spaces]. Moscow, 2000.
3. Kasevich V.B. *Semantika. Sintaksis. Morfologija* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, 1988.
4. Pavlov V.M. *Protivorechiia semanticheskoi struktury bezlichnykh predlozhenii* [The contradictions of the semantic structure of impersonal sentences]. St-Peterburg, 1998.
5. Paducheva E.E. *O roli metonimii v kontseptual'nykh strukturakh* [On the role of metonymy in conceptual structures]. Tarusa, 1999.

6. Pasternak B. *Sochineniia: v 2-kh t.* [Works. 2 Vols]. Tula, 1993. T. 2.
7. Petrov A.V. *Kategorii bezlichnosti v sovremennom russkom iazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Categories impersonality in modern Russian: Abstract. Dis. ... Dr. Philology. Sciences]. Moscow, 2007.
8. Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, 1938.
9. *Russkaia grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1980. T.1.
10. Khrakovskii V.S. *Passivnye konstruktii* [Passive constructions]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Personal'nost'* [The theory of functional grammar: personality]. Zalogovost'. SPb., 1991.

УДК 81

Е.А. Сполохова

Череповецкий государственный университет

СИНТАКСИС СЛОВ-КОНЦЕПТОВ ИСТИНА И ПРАВДА В ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО

В статье дается краткий обзор особенностей синтаксиса слов-концептов «истина» и «правда» в поэтических текстах В.С. Высоцкого; рассматриваются типичные случаи словоупотребления; обобщаются результаты анализа текстового материала. Анализ материала позволяет прийти к следующим выводам: семантический объем слов-концептов обусловлен словарными значениями и теми знаниями, которые стоят за словами-концептами, дистрибуцией в конкретных текстах, ассоциативно-семантическими связями; истинностная семантика представлена большей частью словом-концептом правда и словами-показателями истинности суждения; немногочисленные случаи употребления слова-концепта истина наряду с частотным употреблением слова-концепта правда обусловлены принципиальным различием в семантике концептов, синтаксической полифункциональностью слова-концепта правда, а также стилистическими особенностями поэзии В.С. Высоцкого.

Синтаксис, семантика, слова-концепты истина и правда, поэзия В.С. Высоцкого.

The article gives a brief overview of the features of the concepts "truth" (istina) and "right" (pravda) in poetical texts of Vladimir Vysotsky. The study examines typical cases of the word usage and summarizes the results of the text analysis. The analysis of these concepts allows to make the following conclusions: the semantic volume of concepts is determined with word meanings and knowledge, which belongs to these concepts. Distribution in specific texts and associative-semantic relations at the level of textual and intertextual associations are important, too. Truth semantics in poetry of Vladimir Vysotsky is represented mostly with the concept "right" (pravda) and with indicators of the truth of judgments. A few cases of using of the concept "truth" (istina) along with frequent use of the concept "right" (pravda) are determined with the semantic difference of the concepts, syntactic polyfunctionality of the concept "right" (pravda) as well as with stylistic features of V. Vysotsky's poetry.

Syntax, semantics, concepts "truth" (istina) and "right" (pravda), V.S. Vysotsky's poetry.

Введение

Наша работа посвящена изучению синтаксиса слов-концептов «истина» и «правда» в поэтических текстах В.С. Высоцкого. Мы опираемся на определение концепта, данное авторами «Краткого словаря когнитивных терминов»¹. Концепт – это термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; концепт – оперативная единица всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с. 90]. В текстах же мы имеем дело со словами-экспликаторами концептов, т.е. со словами-концептами. «Слово выступает <...> как тело знака для концепта или группы концептов, как носитель определенного кванта информации, закрепленного за

его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта. Одновременно оно вызывает к жизни цепочку сколько угодно протяженных сложных ассоциаций» [3, с.103].

Основная часть

Слова-концепты «истина» и «правда» характеризуются тем, что «у каждого <...> свой синтаксис. <...> У них свой синтаксис потому, что своя семантика» [5, с. 325]. Интерес представляет сопоставление некоторых текстовых материалов, позволяющих показать сходство и различие в семантике слов-концептов «правда» и «истина». Сравним две строфы, построенные по сходным моделям: СП, где 1-й смысловой компонент содержит ментальный гл. и сущ. истинностной семантики, а 2-й компонент – ССП с союзом но – представляет собой некоторое суждение, между смысловыми частями – бессоюзная связь:

¹ Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 416 с.

Мы многое из книжек узнаем,
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своем,
Но и в других отечествах не густо».
«Я из дела ушел...»;
Мы откроем нашим чадам
Правду – им не все равно:
Удивительное рядом –
Но оно запрещено.

(«Письмо в редакцию телевизионной передачи «Очевидное – невероятное» из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи»).

В таксонимическом употреблении истинностная оценка может быть выражена и словом истина и словом правда. Но в первом случае употребляется истина, так как суждение отражает порядок вещей в мире, закономерность (сталкиваемся с прецедентным текстом «Несть пророка в своем Отечестве»). Во втором случае употребляется правда, так как «удивительное рядом, но оно запрещено» – частное суждение обитателей Канатчиковой дачи о конкретном факте: после того, как «все почти с ума свихнулись, / Даже кто безумен был» – «Главврач Маргулис / Телевизор запретил».

Что касается предикатного употребления, т.е. для характеристики чего-либо как «истинного», «правильного» (в противоположность к «ложному», «неправильному»), «слова истина и правда в современном русском языке резко различны. Собственно говоря, слово *истина* в этой позиции вообще не употребительно, оно заменяется словами истинно, справедливо, словосочетаниями истинная правда, всякий знает и т.п.... Противоположное выражается словами неверно, ложно, ложь (в логическом смысле, как термин). Напротив, слово *правда* употребительно именно в этой, т.е. предикатной позиции, но только – в соответствии с его таксонимической характеристикой, – при частных суждениях» [5, с. 326]. Ср. текстовые материалы: «Что было правдою во сне, / Что было ложью?» («Дурацкий сон, как кистенем...») – отражен частный случай; «Разобрать, что истинно, что ложно, / Может только беспристрастный суд...» («Зарыты в нашу память на века...») – отражен порядок вещей в мире.

Употребление в предикативной функции слов, производных от истины и правды, характеризуется теми же особенностями семантики, что и употребление самих слов-концептов. Сопоставим строфы, где в предикатном употреблении представлены наречия воистину и вправду:

Пора! Кто знает время сей поры?
Но вот она воистину близка!
О, как недолог жест от кобуры
До выбритого начисто виска!
(«Попытка самоубийства»);
Доводом этим тотчас убедил
Витьку Иван Дыховичный:
Витька ведь деда, конечно, любил, -
Дед был и вправду отличный.
(Поэма для детей)

В первом тексте воистину (книжн.) характеризует размышления над «вечным вопросом»: дано ли человеку знать и самому определять время, когда ему следует уйти из жизни. Во втором – вправду (разг.) оценивает частное суждение: «Дед был и вправду отличный». В том и другом случае употребление воистину и вправду мотивировано стилистически и ситуативно. Замена этих лексем друг на друга в данных контекстах неприемлема, что еще раз показывает различия в семантике мотивирующих слов-концептов.

Следует обратить внимание, что предикаты, выражающие истинностную оценку и оценку, противоположную ей, «имеют в качестве субъекта пропозицию, в которой уже присутствует значение истинности. Они выражают, таким образом, вторичную истинностную оценку, которая не всегда совпадает с первичной» [1, с. 67]. «Вторичные истинностные оценки выражаются не грамматическими, а лексическими средствами языка. <...> Так, в русском языке значение истинности выражают предикаты правда, истина, истинно, верно, достоверно, точно, правильно, справедливо, факт, несомненно, так, так и есть и нек. др. Создаваемые ими квазиистины едва ли не важнее фундаментальных научных истин, они ориентируют людей в жизни и лежат в основе их практического мировоззрения» [1, с. 68]. Лексическими средствами выражаются и отклонения от нормы (врать, лгать, клеветать и др.)

Для поэзии Высоцкого характерно употребление слов, выражающих вторичные истинностные оценки – как положительные, так и отрицательные. Приведем несколько примеров: «Скажите, если я не прав, / Но наперед все лживо...» («Игра в карты в двенадцатом году»); «Здесь и вправду ходит кот, / Как направо, так поет...» («Лукоморья больше нет...»); «По уставу – правильно стрелял...» («Рядовой Борисов! – Я! Давай, как было дело...»); «И любовь не для нас – / верно ведь, / Что нужнее сейчас / ненависть?» («Аисты»). Отметим, что создаваемые Высоцким квазиистины, благодаря феноменальной популярности поэта, зачастую становились ориентирами для множества людей, выходя при этом как явление культуры и искусства за рамки практического мировоззрения и поднимаясь на уровень философского осмысления действительности. Показателен в этом отношении довольно известный текст «В сон мне желтые огни...», где представлены такие «носители» вторичных истинностных оценок, как (не) свято – экспликатор истины и истины-правды, и (не) так. Созданная ими квазиистина стала прецедентным текстом: «И ни церковь, и ни кабак – / Ничего не свято...// Нет, ребята, все не так, / Все не так, ребята!». Все «не так» в «срединном мире»: нет истины «in vino» – только «в кабаке зеленый штоф». Выстраивается ассоциативный ряд: зеленый штоф – зеленый змий – яд – ложь; нет истины-веры в церкви, там только «смрад и полумрак», а истина ассоциируется со светом.

Имея дело с подобными квазиистинами как основами практического мировоззрения, мы должны учесть, что в них само понятие истины в известной степени теряет статус абсолютной категории, реля-

тивизируется; как отмечает Н.Д. Арутюнова, «признаки вечности, неизменности, независимости и подлинности, характерные для философского понятия истины, гораздо менее значимы применительно к его обыденному корреляту» [1, с. 4]. Тем не менее, признак субъективности вторичен для слова-концепта «истина», в отличие от слова-концепта «правда», с этим связано то, что в большинстве случаев слово «правда» представлено в текстах В.С. Высоцкого в позиции релятива, являющегося сигналом субъективной модальности, т.е. носителем информации о позиции инициатора сообщения (говорящего). Следует заметить, что правда как релятив является омоформой по отношению к существительному. Сошлемся на точку зрения Ю.С. Степанова: «Слово истина, несомненно, – существительное. Об этом свидетельствует и его неупотребительность в позиции предиката. Но что сказать о слове правда? <...> ...мы заключаем, что в русском языке два слова правда – правда имя существительное, именуемое особой сущностью в рамках концепта «Правда – Истина», и правда – предикатное слово, никакой особой сущности не выражающее, а означающее лишь признак «истинность», «истинно» какого-либо высказывания» [4, с. 326–327].

Опираясь на работу М.В. Ляпон [4, 1986] и анализ текстов, можем классифицировать случаи употребления слова правда в качестве релятива следующим образом:

- 1) правда в функции вводного компонента и в значении союза в уступительном контексте;
- 2) в роли частицы при оформлении вопросительно-утвердительных и вопросительно-побудительных предложений;
- 3) в качестве наречия;
- 4) в функции модального слова в нечлененых предложениях.

«Знаковая сущность релятива, т.е. его (1) внутренняя сторона (означаемая) и (2) внешняя (означающая) могут быть определены через два понятия: (1) «оценка» и (2) «анализмизм» [4, с. 24]. Под анализмизмом в этом случае понимается следующее: во-первых, релятив как оценочное средство синтаксического уровня отличается от других оценочных единиц языка, поскольку он оказывается в тексте вне объекта оценки. Во-вторых, контакт релятива с нереляционными элементами речевой цепи не закреплен при помощи формального показателя (флексии), в чем выражается специфика грамматического поведения релятива [3, с. 23]. Что касается «оценки», то это всегда оценивание, т.е. мыслительная процедура, умозаключение или эмоциональная реакция, и в то же время – ситуация, фиксирующая результат этой процедуры. В тексте релятив оказывается сигналом «оценочной ситуации», включающей три компонента:

- а) оценивающий субъект (источник информации);
- б) оценочное средство;
- в) объект, подвергаемый оценке [4, с. 13–26].

Критерий же оценки обусловлен семантическим потенциалом релятива. Семантика релятива правда полифункциональна и характеризуется недифференцированностью, синкретизмом. Как правило, совме-

щаются значения вводного и союзного элементов. Проанализируем несколько характерных примеров, где реализованы разные аспекты оценки.

Обратимся к тексту «Вы в огне да в море вовеки не сыщете брода»:

Наверху, впереди – злее ветры, багровее зори,
Правда, сверху видней, впереди же – исход и земля...

Правда здесь – вводный компонент, выразитель недифференцированного эмоционального отношения, достоверности неантагонистически противоречивых утверждений по принципу компромисса (сближается по семантике с союзом зато – «экспликацией компромисса» [4, с. 152].

Что случилось, почему кричат?
Стадион в единстве завопил...
Восемь девяносто, говорят, –
Правда, за черту переступил.
(Песенка про прыгуна в длину).

Правда – вводный элемент, выражает досаду – если в роли оценивающего субъекта – сам прыгун или его тренер, который «приуныл»; с позиции другого персонажа – соперника, которому «пришлось» получить «титул человека – кенгуру», имеет смысл говорить о выраженном злорадстве, ехидстве, или, по крайней мере, чувстве удовлетворения. Неопределенность, недифференцированность семантики позволяют давать правде субъективную интерпретацию в зависимости от собственного восприятия оценочной ситуации в данном тексте, что мы и сделали. Можем говорить также об ограничительно-уступительной семантике: хотя восемь девяносто (результат), но за черту переступил (сближение в значении с союзным элементом). Подтверждение достоверности того, что «за черту переступил», обесценивает предыдущую «правду», ограничивает ее достоверность – результат «восемь девяносто» – недействителен.

Обратимся к тексту «Диалог у телевизора». Рассмотрим аспекты прагматизации правды в контексте этого диалога. Вот заходит речь о «короткой маечке»: «Я, Вань, такую же хочу! / В конце квартала, правда, Вань, / Ты мне такую же сваргань...». Вводный компонент *правда* в значении: «в самом деле, серьезно, без шуток» – призван сообщить эмоциональную убедительность просьбе и служить для поддержания коммуникативного контакта, он апеллирует к одобрению, согласию. Однако налицо коммуникативная неудача: по мнению Вани, «эту майку, Зин, тебе надеть – позор один», к тому же – «Где деньги, Зин?». Дважды используется правда (как релятив и как существительное) в высказывании:

А тот похож – нет, правда, Вань, –
На шурина – такая ж пьянь.
Ну нет, ты глян, нет-нет, ты глян, –
Я – правду, Вань!

Но и оно не получает, как известно, одобрения: «Послушай, Зин, не трогай шурина...».

В этом контексте оперирование правдой – не только апелляция к согласию и одобрению, но и изначальная попытка оправдаться, подтвердить достоверность своих слов. В нормальных, обычных условиях коммуникации это не требуется. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, в которой все реплики Зины изначально принимаются «в штыки», отсюда – настойчивое обращение к правде как к средству убеждения и налаживания контакта. Коммуникативная неудача, очевидно, связана с тем, что прагматические установки другого участника диалога – Вани – не совпадают в установками Зины. У Вани – своя правда.

Рассмотрим другой аспект. Прагматика речевого общения с необходимостью требует подтверждения истинности полученной информации, если речь идет о судебных показаниях. Обратимся к текстам, так или иначе касающимся судебного разбирательства.

В тексте «Рядовой Борисов! "Я!" – "Давай, как было дело!» вводный компонент «правда ведь» призван подтвердить достоверность сообщаемой героем информации и убедить в его искренности и правоте следователя: «Правда ведь, шел дождь, на небе были тучи, / По уставу – правильно стрелял».

Иррациональная основа, характерная для вводных компонентов, выражающих эмоциональные реакции, в данном случае «затушевывается». Контекст убеждает нас, что «правда ведь» в данном случае – не форма спонтанного выражения искренности: рядовой Борисов «выстрелил в упор» в того, на кого «был обижен, зол», и дело было вовсе не в тучах и плохой видимости; может быть, этот выстрел был правильным по уставу, но по совести – недолжным; так кого же в большей степени пытается убедить персонаж в своей правоте – следователя или самого себя?

Несколько иное дело – с героем из текста «Правда ведь, обидно»: «Правда ведь, обидно, – если завязал, / А товарищ, продал, сука, и за все сказал...». Вводный компонент можно расценить как форму спонтанного выражения искренности и достоверности, что выражается контекстом, который позволяет также дифференцировать значение выражаемых эмоций (обиды, негодования), хотя свобода для иной интерпретации остается.

В тексте «Говорят – арестован...» правда выступает как наречие в значении «действительно, в самом деле» и является выразителем утвердительной модальности, сообщает убедительность высказываниям «Ведь это ж правда несправедливость!», «А то ведь правда- несправедливость!» по поводу того, что «арестован / Мишка Ларин / за три слова», в то же время это призыв одобрить намерение героя «восстановить справедливость»: «Говорю: заступитесь! // Повторяю: / на поруки!»

Обратим внимание на то, что во всех трех случаях «апелляция к истинности незаметно переходит в апелляцию к согласию и одобрению» (2, с.587).

Правда в качестве частицы, оформляющей вопросительно – побудительное предложение и близкой к частице пусть как актуализатор гипотетичности, представлена в «Песне о весте Олега»: «Каждый волхвов покарать норовит, / А нет бы послушаться,

правда?». Здесь имеет смысл говорить о выражении досады как оттенка побуждения.

При оформлении вопросительно-утвердительных предложений правда в качестве частицы является выразителем утвердительной модальности и указывает на достоверность утверждения:

Не правда ли, морской хмельной невиданный простор

Сродни горам в безумье, буйстве, кротости...

«Гимн морю и горам»

Не правда ли – речевое клише (близкие ему по значению выражения – верно ведь, правда ведь и некоторые др.). В случаях подобного употребления правда отдалается от значения истинности, прежде всего выполняя иную функцию: «Не правда ли настаивает собеседников на общий лад и нередко выполняет функцию поддержания контакта» [2, с. 593]. Полагаем, это утверждение справедливо и по отношению к эквивалентам данного клише. Ср.: «Но ... не правда ли, зло называется злом / Даже там – в добром будущем вашем?» («Песня о времени»); «И любовь не для нас / – верно ведь, / Что нужнее сейчас – / ненависть?» («Аисты»); «Ну правда ведь – / Неправда ведь, / Что я грабитель ловкий?» («Вот раньше жизнь была...»). Отметим, что во всех этих случаях имеет смысл говорить опять-таки об апелляции не столько к истинности, сколько к согласию или единодушию, а также об оправдательной тактике оценивающего субъекта.

Употребление Высоцким клише не правда ли (и эквивалентов) – один из показателей центробежности его поэзии. «Систематическое употребление этого выражения – характеристика человека, обращенного к другому» [2, с. 593]. В балладе «Прерванный полет» не правда ли повторяется несколько раз: «Смешно, неправда ли, смешно! // А он шутил – недошутил, / Недораспробовал вино, / И даже недопригубил»; «Смешно, неправда ли, смешно! // А он спешил – недоспешил, / Осталось недорешено / Все то, что он недорешил»; «Смешно, неправда ли, смешно, / Когда секунд недостает, – / Недостающее звено, / И недолет, и недолет!». В последней строфе появляется тот самый другой, точнее – другие: «Смешно, не правда ли? Ну вот, / Смешно и вам, и даже мне... // Конь на скаку и птица влет – / По чьей вине?...». Эмоциональная реакция, выраженная в данном контексте, может быть интерпретирована как чувство горечи, горькой иронии.

В функции модального слова в нечленимых предложениях (точнее, в их эквивалентах в составе сложного предложения) правда употребляется в стихотворении «Подумаешь, с женой не очень ладно...»:

Да, правда, – тот, кто хочет – тот и может,

Да, правда, – сам виновен, бог со мной.

Да, правда, – но одно меня тревожит:

Кому сказать спасибо, что живой!

«Да, правда...», повторенное трижды, выражает не столько согласие, подтверждение, сколько силь-

ные негативные эмоции и опять-таки иронию. Конструкция «правда, но ...» употребляется для ввода «другой» правды, выражения несогласия с предыдущей правдой, опровержения ее, выявления противоречий. Кроме того, в составе анафоры правда обладает большой долей экспрессивности, выразительности, силой воздействия на адресата – читателя, слушателя.

Для опровержения и оправдания в речевой практике зачастую используют приставочные образования с не от слова правда. Отражено это и у Высоцкого. Ср.: «Неправда, над нами не бездна, не мрак – / Каталог наград и возмездий...» («О знаках зодиака») – релятив неправда используется для опровержения утверждений; «Мы подруг забываем своих: / Им – до нас, нам подчас не до них, – /... Нет, неправда! Вздыхаем о них у кормы...» («В день, когда под держкой земли заручась») – неправда выражает попытку не только опровергнуть некую информацию, но и оправдаться.

Итак, наиболее общими критериями оценки, выразителем которой является релятив правда, оказываются такие аспекты, как достоверность / недостоверность сообщаемого, степень искренности, степень убедительности, эмоциональное отношение. Все это согласуется с коммуникативной установкой поэзии В. Высоцкого, ориентированной на предельно правдивый, искренний диалог с адресатами (то есть на субъект – субъектные отношения). Правда в контексте диалога прагматизируется, постепенно отдаляется от значения истинности, оформляя «реплики сомнения, подтверждения, опровержения и оправдания, признания, согласия и апелляции к согласию, компромисса, удивления и некоторые другие» [2, с. 593].

Выводы

Анализ слова-концепта «истина» в соотношении со словом-концептом «правда» в текстах Высоцкого позволил прийти к следующим выводам.

1. Семантический объем слов-концептов «истина» и «правда» обусловлен рядом факторов: словарными значениями и теми знаниями, которые стоят за словами-концептами; дистрибуцией в конкретных текстах; ассоциативно-семантическими связями на уровне текстовых и межтекстовых ассоциаций, в которых сочетается индивидуально-авторское видение мира с ассоциативной нормой.

2. Истинностная семантика в поэзии Высоцкого представлена большей частью словом-концептом правда и словами-показателями истинности суждения, выражения.

3. Немногочисленные случаи употребления слова-концепта «истина» наряду с частотным употреб-

лением слова-концепта «правда» обусловлены, вероятно, коренным различием в семантике концептов (истина – это универсум, и она единственна, правда – множественна, это отражение многочисленных частных случаев без сведения их воедино), синтаксической полифункциональностью слова-концепта правда, а также стилистическими особенностями поэзии Высоцкого: тексты его в большинстве своем принадлежат жанру авторской песни, который предполагает определенный «стилистический регистр» и ограничивает употребление «высокой» лексики.

4. Нечастое употребление слов с корнем ист- сочетается в текстах Высоцкого с тем, что широко представлена лексика, выражающая семантический объем изучаемого концепта, ассоциации, характерные для мировидения поэта (философский камень, суть, цель, дно и т.д.).

5. Слова-концепты «истина» и «правда» в поэзии Высоцкого тесно связаны, тем не менее, различие их четко осознается: они употребляются в разных контекстуальных позициях, где замена их друг другом неприемлема.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 67–78.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
3. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 416 с.
4. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. 201 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824 с.

References

1. Arutyunova N.D. Vtorichnye istinnostnye otsenki: pravilno, verno [Secondary truth evaluations: correctly, right]. *Logicheskii analiz iazyika: Metalnye deystviia* [Logical analysis of language: Mental actions]. Moscow, 1993, pp. 67–78.
2. Arutyunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, 1999. 896 p.
3. Kubriakova E.S. i dr. *Kratkii slovar kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of the cognitive terms]. Moscow, 1996. 416 p.
4. Liapon M.V. *Smyislovaia struktura slozhnogo predlozheniia i tekst: k tipologii vnutritekstovykh otnoshenii* [Semantic structure of the complex sentences and the text: typology of the intra-textual relations]. M., 1986. 201 p.
5. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar russkoi kul'turyi* [Constants. The dictionary of the Russian Culture]. Moscow, 1997. 824 p.